

УДК 101.1:316"312"

DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.005

Историческая амнезия и исторический опыт

Гизатова Гульназ Казбековна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: gulnaz_gizatova@mail.ru

Иванова Ольга Геннадьевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: olga.ivanova.ksu@mail.ru

Аннотация

Историческая амнезия нередко в качестве источника возникновения имеет культурную травму и ее репрезентацию в национальном сознании. Воспроизводство в национальном сознании воспоминаний о культурной травме непосредственно связано с механизмами формирования и функционирования культурной или исторической памяти. Очевидно, что здесь речь может идти не только (или не столько) о реальном событии, сколько о событии, которое было сконструировано в рамках национального сознания, и, воспроизводясь в сознании различных поколений, стало элементом культурно-исторической памяти.

Проблема исторической амнезии непосредственно связана с феноменом репрезентации прошлого. И это неслучайно, поскольку историческая память той или иной социальной общности определяет и одновременно оценивает ее прошлое, интерпретирует настоящее и задает векторы развития ее будущего. Проблемы исторической памяти и амнезии преимущественно рассматриваются в контексте проблем социального пространства и времени, формирования персональной и коллективной идентичности и т.д. На наш взгляд, интерес представляет исследование исторической амнезии сквозь призму проблемы исторического опыта. В качестве одного из оснований исторического опыта выступает историческая память и историческая амнезия как ее проявление

Для цитирования в научных исследованиях

Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Историческая амнезия и исторический опыт // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 5А. С. 189-195. DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.005

Ключевые слова

Культурная травма, историческая память, историческая амнезия, исторический опыт, социально-историческое познание.

Введение

В одном из американских философских журналов нам встретился подзаголовок, который формулировался так: «Боль запоминания как источник исторической амнезии». Проблема исторической амнезии всегда привлекала наше внимание, поэтому приведенная формулировка подтолкнула нас к некоторым размышлениям на эту тему.

Социальная память: культурно-философский анализ

Немецкий историк культуры Ян Ассманн выделяет два типа коллективной памяти. Первый тип – это совместно разделяемая коммуникативная память, второй – опосредованная культурная память. Коммуникативная социальная память может быть ретранслирована в более длительную устойчивую культурную память посредством институализации памяти. Культурная же память, будучи неинституализированной опосредованной памятью, выполняет функцию передачи набора культурных ресурсов, и в силу этого она является более уязвимой для манипуляции. Каждое поколение живет в новых социокультурных условиях, и знание, полученное от предыдущих поколений, будет приспособлено к новым реалиям, при этом микросреда обитания индивида придаст различные новые смыслы существующему знанию. [См.: Pääb]

На наш взгляд, выделение данных двух типов социальной памяти вполне оправдано и обладает определенным эвристическим потенциалом. Однако мы не совсем согласны с автором в том, что более уязвимой для манипуляции в силу своей неинституализированности является культурная память. Думается, именно институализированность социальной памяти как элемента духовной культуры является благодатной почвой для манипуляции ею со стороны национальных элит, прежде всего, в силу доступности для них всех видов идеологических ресурсов. Так, известная теоретик культуры С. Бенхабиб именно институализацию сферы культуры рассматривает в качестве серьезной угрозы для развития культур. «Опасность данного феномена (институализации – Г.Г., О.И.) заключается прежде всего в том, что обретая политическое выражение и институциональную форму, отмечает В.Иноземцев в предисловии к книге С.Бенхабиб, культуры как бы сосредотачиваются на собственной цельности; в то же время они ищут опору не в самоидентификации человека, а в изначальной причисленности его к той или иной группе. И в одном, и в другом случае культуры копируют черты соответствующей политической структуры» [Иноземцев, 2003, XI].

Историческая память и историческая амнезия

Проблема исторической амнезии непосредственно связана с феноменом репрезентации прошлого, и именно уровень, на котором историк предлагает определенную репрезентацию прошлого, по мнению Х.Уайта, является наиболее важным из трех уровней в историческом тексте [См.: Анкерсмит, 2003]

И это неслучайно, поскольку историческая память той или иной социальной общности определяет и одновременно оценивает ее прошлое, интерпретирует настоящее и задает векторы развития ее будущего. В современной исторической науке проблемы исторической памяти занимают важное место, и «история памяти» рассматривается как новая парадигма исторической науки [См.: Эксле, 2011, 309]

Сегодня западные и отечественные исследователи говорят о необходимости серьезного исследования феномена социальной амнезии, отмечая при этом ее неразрывную связь с

социальной памятью. Так, Г.А. Бакиева рассматривает социальную амнезию не просто как явление, которое постоянно сопровождает социальную память, а как ее свойство, по мнению исследователя, социальная амнезия выступает как проявление социальной памяти [См.: А.Г. Бакиева, 2003]. Необходимо отметить, что в исследованиях понятия «социальная», «историческая», «культурная» память (амнезия, забвение) используются как тождественные. Представляется, что для более адекватного, всестороннего анализа феноменов памяти и забвения правомерно разведение этих понятий, их тщательная разработка. Так, на наш взгляд, понятия «социальная память», «социальная амнезия» являются более широкими, в то время как понятия «историческая память», «историческая амнезия» характеризуют особенности развертывания именно истории и ее отражение в сознании.

Проблемы исторической памяти и амнезии преимущественно рассматриваются в контексте проблем социального пространства и времени, формирования персональной и коллективной идентичности и т.д. На наш взгляд, интерес представляет исследование исторической амнезии сквозь призму проблемы исторического опыта. Как отмечает Ф. Анкерсмит, «историю ментальности, а также в значительной степени культурную историю вполне можно рассматривать как историю опыта [Анкерсмит, 2007, 22]

Можно выделить два аспекта этого вопроса: историческая амнезия и опыт историка, т.е. историческая амнезия в историческом познании, и историческая амнезия, и опыт истории.

Понятие «опыт историка» является одним из важнейших в современной эпистемологии. Опыт историка выступает как момент исследовательской деятельности ученого. Содержание понятия в этом значении разрабатывали Дильтей, неокантианцы, неогегельянцы. Х.-Г. Гадамер, рассматривая проблему опыта, формулирует герменевтическую концепцию, критикует сциентистскую его трактовку, подчеркивает историчность опыта. «Опыт означает здесь, - пишет философ, - нечто такое, что относится к исторической сущности человека... Подлинный опыт есть, таким образом, опыт собственной историчности» [Гадамер, 1991]

Важное место понятие «исторической опыт» как опыт историка занимает в «новой философии истории». В исследованиях по проблеме исторической амнезии акцент делается в большей степени именно на этом аспекте проблемы. Представляется, что рассмотрение исторической амнезии в контексте проблемы исторического опыта как опыта истории является не менее важным и актуальным.

Мы трактуем исторический опыт как характеристику и результат практической и познавательной деятельности людей в процессе преобразования социальной действительности, как единство двух составляющих - практической деятельности и знания о ней [См.: Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, 2016]. В качестве одного из оснований исторического опыта выступает историческая память и историческая амнезия как ее проявление

В процессе исторического творчества социальный субъект не только рационально осмысляет, но и «переживает» свое прошлое, и это осмысление и переживание достаточно часто не вполне адекватно отражают саму историю. Память удерживает те события, которые рождают и поддерживают чувство гордости, самоуважения той или иной социокультурной общности, а события – травмы либо вытесняются, либо воспроизводятся в сознании социального субъекта нередко искаженно. Поэтому, на наш взгляд, историческая память и историческая амнезия, будучи феноменами, объективно обусловленными природой субъекта, играют двоякую роль в формировании исторического опыта: с одной стороны, они являются основой нашего знания о прошлом, а с другой, - нередко искажают это прошлое и тем самым обуславливают повторение ошибок прошлого.

Большинство социальных теоретиков едины во мнении о том, что историческая память является социальным конструктом и функционирует преимущественно через нарративы. И именно нарративный дискурс определяет избирательность социальной памяти в конструировании прошлого и его репрезентации. Так, Р. Грехэм, утверждая, что историческая амнезия буквально вплетена в ДНК американской нации, приводит слова известного американского мыслителя Джорджа Сантаяны: «Те, кто не помнит своего прошлого, обречены на его повторение» [См.: Graham Renee].

Феномен культурно-исторической травмы

Неслучайно появление в социальной теории последних десятилетий выражений «культурная травма», «историческая травма», «национальная травма». Определяя «культурную травму» прежде всего как эмпирический, научный концепт, устанавливающий новые существенные причинно-следственные связи между ранее несвязанными событиями, структурами, восприятием и деятельностью, профессор Йельского университета Дж. Александер дает следующее определение: культурная травма возникает тогда, когда члены коллектива считают, что они были подвергнуты какому-либо страшному разрушительному событию, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, накладывая отпечаток на их воспоминания навсегда и изменяя их будущую идентичность фундаментальными и необратимыми способами [См.: Alexander, Jeffrey, 2003, 98]. На наш взгляд, воспроизводство в национальном сознании воспоминаний о культурной травме непосредственно связано с механизмами формирования и функционирования культурной или исторической памяти. Когда речь идет о познании в исторической науке, следует иметь в виду, что между объектом и субъектом познания находится широкий пласт различных текстов, а кроме того, огромное количество повествований, в том числе мифологических и поэтических. Как отмечает Ф. Анкерсмит, историческая очевидность, какой бы фактически подтвержденной она ни была, приходит к историку уже интерпретированной, уже как репрезентация прошлого, так что отношения текстов историков к реальности всегда проблематичны [См.: Е. Г. Трубина].

Социальные теоретики, анализируя феномен исторической амнезии, нередко обращаются к понятию «воображаемая травма». Очевидно, что здесь речь может идти не только (или не столько) о реальном событии, сколько о событии, которое было сконструировано в рамках национального сознания, и, воспроизводясь в сознании различных поколений, стало элементом культурно-исторической памяти. В данном случае имеется в виду еще одна разновидность исторической амнезии, когда та или иная национальная общность не стремится забыть какое-то событие, воспринимаемое как травма, но, напротив, конструирует событие, которого в реальности не было, или оно произошло, но было не таким, каким оно закрепилось в культурной памяти. Здесь можно вспомнить известную работу Б. Андерсена «Воображаемые сообщества». Автор здесь не говорит конкретно о «воображаемых травмах», но позволяет проследить общую идею об источниках возникновения национализма в современном мире. В обоих случаях в качестве важнейшего фактора, оказывающего влияние на формирование национализма, является создание идеологических нарративов как феноменов национального самосознания. Именно коллективные представления формируют образ «травмирующего события». Как показывает Дж. Александер, в процессе определения национальной идентичности, национальные истории нередко выстраиваются вокруг травм, которые требуют мести. Двадцатый век был полон примеров разгневанных националистических групп, их

интеллектуалов и представителей СМИ, утверждающих что их прошлое было травмировано агентами какой-то мнимо-предполагаемой антагонистической этнической или политической группы, с которой, в свою очередь, затем необходимо бороться [См.: Alexander, Jeffrey С, 2003, 104].

Нельзя не согласиться с известным американским философом Ф.Джеймисоном, утверждающим, что наше знание формируется концептами и категориями, которые мы наследуем от интерпретативной традиции нашей культуры [См.: Ф.Джеймисон].

В этом смысле историческая амнезия является конструктом, базирующемся на определенном способе репрезентации. Поэтому неслучайно то, что национально-культурная память большинством социальных теоретиков характеризуется как феномен преимущественно политический. И в этом смысле те события, которые могут быть охарактеризованы как «культурная травма» являются благодатной почвой, на которой воспроизводится необходимая для властных структур интерпретация. Нельзя не вспомнить высказывание Гегеля о том, что периоды человеческого счастья и спокойствия являются пустыми страницами для истории [Гегель, 1993, 79]

Именно события, в той или иной степени характеризующиеся разрушительным потенциалом, реконструируются в исторической памяти. Но память эта не просто сохраняется в национальном сознании. Каждое поколение существует в различном социально-культурном контексте, и каждое поколение заново переинтерпретирует свое прошлое, придавая ему то значение, которое соответствует его национальным, политическим и др. задачам. Это не свидетельствует о том, что историческая память, облеченная в форму нарратива, характеризуется полной релятивностью. Неслучайно в западной нарратологии проблема достоверности исторического знания обрела отражение в формуле «History» or «Story»? Х.Уайт, известный американский специалист в области исторического сознания, размышляя об отличии story-элементов от сюжетных элементов в историческом дискурсе, подчеркивает, что сюжетные элементы нарратива предполагают значение (подчеркнуто нами) событий, которые ... вскрывают структуру, которая была присуща этим событиям изначально [См.: Hayden White].

Заключение

Историческая амнезия стала неотъемлемой чертой современной культуры. Отмечая социальную ангажированность этого феномена, мы хотели подчеркнуть, что нарративизация исторического дискурса, разворачивающаяся в последние десятилетия, превращает историческую амнезию в один из способов репрезентации прошлого. Поэтому исследование этого явления обладает определенным эвристическим потенциалом не только в теоретическом аспекте, но и в осмыслении реальных коллизий современного многонационального мира.

Библиография

1. Pääb, Heiko. University of Tartu EuroCollege. Analysis of national master narratives in the post-imperial space: Ukraine vs Russia// <https://studylib.net>.
2. Иноземцев В.Л. Испытание культурой // С.Бенхабиб. Притязания культур. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М., Логос, 2003 – 350 с. – С.ХІ].
3. Анкерсмит Ф. Р. История и топоология: взлет и падение метафоры/ пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева - М.: Прогресс-Традиция, 2003. - 496 с. // http://abuss.narod.ru/Biblio/ankersmit/ankersmit_metaph.htm
4. Эксле, О.Т. “История памяти” – новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. - Москва: УРСС, 2011. - 608 с
5. Бакиева Г.А. Социальная амнезия // <http://ecsocman.hse.ru/text/17458466/>

6. Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 608 с.
7. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод // http://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf
8. Gizatova Gulnaz, Ivanova Olga. Historical Experience as a Concept of Philosophy and History // World LUMEN Congress 2016| Iasi & Suceava, Romania| April 12-17, 2016 . – Pg. 230
9. Renee, Graham // The nation's historical amnesia. <https://www.bostonglobe.com/opinion/2018/06/19/the-nation-historical-amnesia/Kd30qNVJwUcoDNuNEUvWqJ/story.html>.
10. Alexander, Jeffrey C. The meanings of social life : a cultural sociology / by Jeffrey C. Alexander. Copyright © 2003 by Oxford University Press, Inc. - 296 p.
11. Трубина Е.Г. // Нарратология: основы, проблемы, перспективы // <http://litterref.ru/qasjgernabew.html>.
12. Alexander, Jeffrey C. The meanings of social life : a cultural sociology / by Jeffrey C. Alexander. Copyright © 2003 by Oxford University Press, Inc. - 296 p.
13. Джеймисон, Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос:интернет-журнал. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm
14. Гегель Г.-В. Лекции по истории философии. СПб: Наука, 1993, 2000. - 480с.
15. White, Hayden. The Value of Narrativity in the Representation of Reality. <http://digitalrhetoricandnetworkedcomposition.web.unc.edu/files/2016/01/white-value-of-narrativity.pdf>

Historical amnesia and historical experience

Gul'naz K. Gizatova

PhD in Philosophy,
Associate professor at the Department of social philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 18, Kremlyovskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: gulnaz_gizatova@mail.ru

Ol'ga G. Ivanova

PhD in Philosophy,
Associate professor at the Department of social philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 18, Kremlyovskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: olga.ivanova.ksu@mail.ru

Abstract

Historical amnesia and its representation in the national consciousness often has a cultural trauma as a source of its occurrence. Reproduction in the national consciousness of memories of cultural trauma is directly related to the mechanisms of formation and functioning of cultural or historical memory. Obviously, here we can talk not only (or not so much) about a real event, but about an event that was constructed within the framework of national consciousness, and, being reproduced in the consciousness of various generations, became an element of cultural-historical memory.

The problem of historical amnesia is directly related to the phenomenon of representation of the past. And this is no coincidence, because the historical memory of a social community determines and simultaneously evaluates its past, interprets the present and sets the vectors of its future. The problems of historical memory and amnesia are mainly considered in the context of the problems of social space and time, the formation of personal and collective identity, etc. In our opinion, the study

of historical amnesia through the prism of the problem of historical experience is of interest. Historical memory and historical amnesia as its manifestation serve as one of the bases of historical experience

For citation

Gizatova G.K., Ivanova O.G. (2019) Istoricheskaya amneziya i istoricheskii opyt [Historical amnesia and historical experience]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (5A), pp. 189-195. DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.005

Keywords

Cultural trauma, historical memory, historical amnesia, historical experience, social and historical knowledge.

References

1. Pääb Heiko. University of Tartu EuroCollege. Analysis of national master narratives in the post-imperial space: Ukraine vs Russia// <https://studylib.net>.
2. Inozemtsev V.L. (2003) Ispytanie kulturoi [A Trial by Culture] // S.Benhabib. Pritiazania kultur. Ravenstvo i raznoobrazie v globalnuu eru [The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era]. – M., Logos, 2003 – 350 p. – C.XI].
3. Ankersmit F. R (2003) Istoria i tropologia: vzlet I padenie metafory [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphora]. – M.: Progress-Tradicia. – 496 s. // http://abuss.narod.ru/Biblio/ankersmit/ankersmit_metaph.htm
4. Eksle O.T. “Istoria pamyaty” – novaia paradigma istoricheskoi nauki [History of Memory: a New Paradigm of Historical science] // Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metodi, perspective [Historical science today: Theories, Methods, Perspectives]. – Moskva, URSS, 2011. – 608 s.
5. Bakiya G.A. Socialnaia amnesia [Social Amnesia] // <http://ecsocman.hse.ru/text/17458466/>
6. Ankersmit F. R (2007) Vozvishenniy istoricheskii opyt [Sublime Historical Experience]. – M., Izdatelstvo “Evropa”. 608 s.
7. Gadamer, H.-G. Istina I metod [Truth and Method] // http://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf
8. Gizatova Gulnaz, Ivanova Olga. Historical Experience as a Concept of Philosophy and History // World LUMEN Congress 2016| Iasi & Suceava, Romania| April 12-17, 2016. – Pg. 230
9. Renee, Graham // The nation’s historical amnesia <https://www.bostonglobe.com/opinion/2018/06/19/the-nation-historical-amnesia/Kd30qNVJwUcoDNuNEUvWqJ/story.html>.
10. Alexander, Jeffrey C. The meanings of social life : a cultural sociology / by Jeffrey C. Alexander. Copyright © 2003 by Oxford University Press, Inc. - 296 p.
11. Trubina E.G. // Narratologia: osnovi, problemi, perspektivi // <http://litterref.ru/qasjgernabew.html>.
12. Alexander, Jeffrey C. The meanings of social life : a cultural sociology / by Jeffrey C. Alexander. Copyright © 2003 by Oxford University Press, Inc. - 296 p.
13. Jameson, F. Postmodernism I obschestvo potreblenia [Postmodernism and a Consumer Society] // http://www.ruthe.nia.ru/logos/number/2000_4/10.htm
14. Hegel G.-V(1993, 200). Lekcii po istorii filosofii [Lectures on Philosophy of History]. – SPb: Nauka. – 480 s.
15. White, Hayden. The Value of Narrativity in the Representation of Reality. <http://digitalrhetoricandnetworkedcomposition.web.unc.edu/files/2016/01/white-value-of-narrativity.pdf>